

Къ исторіи галицко-русской письменности.

(Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину).

Въ 1878 г. профессоръ Н. А. Поповъ, приступая къ изданію писемъ славянскихъ ученыхъ къ М. П. Погодину¹⁾), обратился ко мнѣ съ просьбою доставить ему нѣкоторыя замѣчанія и объясненія касательно литературной дѣятельности въ Галичинѣ 1835—1860 г., что я тогда-же охотно сдѣлалъ для него. Но многое изъ сообщеннаго мною тогда не вошло въ его интересную пояснительную къ сборнику статью, какъ выступающее за предѣлы его специальной задачи, иное воскресло въ моей памяти впоследствии, иное подсказала мнѣ происходящая теперь въ Галиціи ожесточенная борьба русской и польской партіи. Всѣмъ этимъ пожелалъ я подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“ и послѣ сообщенныхъ мною біографическихъ воспоминаній о Вагилевичѣ²⁾) передаю теперь нѣсколько замѣчаній объ одномъ изъ писемъ его къ М. П. Погодину, въ надеждѣ, что въ виду возбужденнаго въ русскомъ обществѣ вниманія къ происходящимъ въ Галиціи событіямъ, и мои воспоминанія про былое въ ней прочтутся нѣкоторыми съ любопытствомъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ изданіи Н. А. Попова писемъ Ивана Николаевича къ М. П. Погодину, еще одно письмо его было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ за 1836 г. № VII, стр. 289. По моему мнѣнію, это было первое письмо Вагилевича изъ Львова, вызвавшее слѣдующую за тѣмъ переписку его съ Погоди-

¹⁾ См. Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель (1835—1861). Москва, 1879, стр. 533—666.

²⁾ См. іюльскую книжку »Кіевской Старины« за 1883 г.

нымъ. Вагилевичъ обращается къ Погодину, какъ къ незнакомому лицу. Самъ-же Погодинъ ссылается на это письмо и на сообщеніе ему извѣстія о карпатскихъ руническихъ надписяхъ. Оно писано вслѣдъ за отъѣздомъ профессора Погодина и его спутниковъ изъ Львова въ Россію и въ немъ живо отражается то впечатлѣніе, какое произвело на русскій кружокъ посѣщеніе г. Львова русскими учеными. Я не могу припомнить, о какомъ ложномъ извѣстіи, напечатанномъ въ С.-Петербургскомъ журналѣ, говоритъ Вагилевичъ; вѣроятно, что-то было напечатано въ Tygodnik'ъ Petersburg'sкомъ, единственный экземпляръ котораго получала бібліотека института Оссолинскихъ, гдѣ Вагилевичъ и могъ читать извѣстіе (ложное) изъ польскаго источника. Нѣмецкая австрійская полиція и польское общество старательно заботились тогда, чтобы ни одинъ русскій журналъ, ни одна русская книга не попадали въ руки русскимъ галичанамъ. Въ бібліотекѣ львовскаго университета, считавшей тогда до 50 т. книгъ, не было ни одной русской книги¹⁾ кромѣ стараго изданія грамматики Гейма. Такъ какъ во всей Галиціи и Буковинѣ ни въ одной публичной школѣ не учили ни русской, ни церковно-славянской грамотѣ, то мы, немногіе гимназисты и студенты, учились по этой грамматикѣ русской грамотѣ и русскому письму. Кто успѣлъ ее захватить раньше, пришедши въ бібліотеку, тотъ и пользовался. Изъ гравированнаго при ней скорописнаго алфавита мы учились писать, копируя русскія буквы. Связанной русской скорописи не довелось и въ глаза увидать, и я долго не могъ отвыкнуть отъ привычки писать по буквамъ, ставя отдѣльно каждую букву, какъ въ печатномъ курсивѣ. Юсифъ Левицкій также заимствовалъ изъ грамматики Топпе скорописную таблицу для своихъ грамматикъ. Въ бібліотекѣ Оссолинскихъ было нѣсколько русскихъ книгъ, но завѣдующіе неохотно давали ихъ читать ученикамъ и студентамъ, а навязывали польскія книги Мицкевича, Одица, Нѣмцевича, Лелевеля. Даже исторіи Карамзина въ польскомъ переводѣ Бучинскаго не выдавали, а совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству,

¹⁾ Только въ 1850-хъ годахъ бывши университетскимъ профессоромъ, я заявилъ о необходимости выписать для бібліотеки важнѣйшія книги изъ русской литературы. Правительство согласилось дать 300 гульд. на выписку нѣкоторыхъ сочиненій, преимущественно малорусскихъ.—Я. Г.

свали Нарушевича. Только Маркіапъ Шашкевичъ, по знакомству, добился выдачи Калайдовича, Кириши Данилова и малороссійскихъ пѣсень Мавсимовича, которыя я переписывалъ тутъ-же, въ бібліотекѣ, въ часы, опредѣленные для чтенія, и переписалъ всю книжку¹⁾.

Надо признаться, что Вагилевичъ сообщилъ въ своемъ письмѣ много замѣчательныхъ извѣстій, бросающихъ свѣтъ на тогдашнія отношенія и состояніе русскихъ галичанъ. Онъ правъ, что въ то время только что *начала пробуждаться любовь къ русской словесности*. Онъ весьма наглядно изобразилъ возникшіе споры о введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русской письменности; всему этому далъ поводъ полякъ Вацлавъ Залескій своимъ изданіемъ народныхъ пѣсень, заявивъ откровенно въ предисловіи къ нему, что галицкіе русскіе (*nasi Rusini*) должны присоединиться къ польской литературѣ, такъ какъ полякамъ вовсе не желательно, чтобъ русскіе галичане развивали *особую* литературу. Залескій соблазнилъ было молодого нашего священника Осипа Лозинскаго, который подѣятельнымъ вліяніемъ своего коллятора Гвальберта Павликовскаго напечаталъ статью „О введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность“. Постороннимъ можетъ показаться маловажнымъ этотъ фактъ, но въ сущности вопросъ о замѣнѣ русской азбуки на польское абецадро не маловаженъ; онъ глубоко врывается по своимъ послѣдствіямъ въ народную жизнь, это—вопросъ о существованіи... быть или не быть русскимъ въ Галичинѣ. Пріими галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадро,—пропала-бы русская индивидуальная народность, улетучился-бы русскій духъ и изъ галицкой Руси сдѣлалась-бы вторая Холмщина, какою она была въ 60-хъ годахъ. Всѣ передовые люди возстали противъ затѣи Залескаго и вознегодовали на Лозинскаго. Зубрицкій написалъ возраженіе, но оно осталось въ рукописи. Тогдашній капелланъ перемышльскаго епископа Спѣгурскаго Іосифъ Левицкій (авторъ галицко-русской грамматики) написалъ на польскомъ языкѣ рѣзкую

¹⁾ Игнатій Жегота—Науля, мазуръ, слушавшій вѣстѣ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ университета, выхватилъ у меня черновыя тетради этихъ и другихъ народныхъ пѣсень и издалъ въ Перемышлѣ 1839 г. въ II томѣхъ «*Pieśni ruskie ludu w Galicyi*». Самъ-то онъ плохо понималъ по русски и впрочемъ не общался съ русскимъ народомъ.

статью противъ проэкта Лозинскаго въ защиту кириллицы. Епископъ Іоаннъ Снѣгурскій наградила автора и приказалъ напечатать ее въ епископской типографіи, а редакторъ официальной львовской газеты и экстраординарный профессоръ польскаго языка и литературы Ник. Михалевичъ (русинъ), по благоволенію къ своимъ единовѣрцамъ, прибавилъ оттиски ко всѣмъ высылаемымъ №№ газеты. Въ то время такой поступокъ считался весьма рискованнымъ, и едва-ли не этотъ шагъ былъ главной причиной удаленія Михалевича отъ редакціи и назначенія на его мѣсто заядлага поляка Яна Каминскаго. Лозинскій пытался провести свой проэктъ на дѣлѣ и сочинилъ грамматику съ польскимъ алфавитомъ, но профессоръ и докторъ богословія Венедиктъ Левицкій, бывшій цензоръ русскихъ книгъ, три раза отвергъ грамматику Лозинскаго. Напрасны были жалобы Лозинскаго, поддерживаемыя поляками, напрасна апелляція въ Вѣну въ центральный цензурный комитетъ. Разъ написанный цензоромъ Левицкимъ приговоръ: *Non admittitur ad imprimendum* (не одобрено къ печати), остался въ полной силѣ, хотя придворный славянскій цензоръ Варооломей Копитаръ и стоялъ за латинскій алфавитъ. Нѣсколько времени спустя, Лозинскій успѣлъ таки добиться разрѣшенія и напечатать сборникъ свадебныхъ пѣсень: *Ruskoje wesile, opisannoje czerez I. Lozinskoho*. Не менѣе негодованія на Лозинскаго выражалъ кружокъ молодыхъ русиновъ, которое отпечатлѣлось и въ письмѣ Вагилевича. Студентъ Маркіавъ Шашкевичъ написалъ статью: *Азбука и Abccadlo*; цензура одобрила ее, студенты и семинаристы сдѣлали грошовую складчину, меня послали въ Черемышилъ, и черезъ 2 недѣли статья Шашкевича была напечатана и разслана во всѣ концы Галиціи въ 3-хъ тысячахъ экземпляровъ. Вагилевичъ въ упомянутомъ своемъ письмѣ торжественно заявляетъ, что теперь никто (зпачить, изъ русиновъ) не сомнѣвается въ настоятельной необходимости славянской азбуки для русскаго языка и каждый признаетъ превосходство ея предъ чужимъ алфавитомъ.

Но странпо:—старшіе русскіе въ Галиціи, признавая превосходство славянской азбуки надъ латинскимъ алфавитомъ и защищая ее, всѣми мѣрами препятствовали введенію гражданскаго шрифта и отстаивали церковно славянскія буквы. Они видѣли въ гражданскѣ частичное введеніе латинки. Зубрицкій первый напеча-

талъ въ примѣчаніяхъ своего сочиненія: *Rus historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej. Lwów 1837*, грамоты князя Льва гражданскимъ шрифтомъ,—и цензоръ Левицкій не посмѣлъ придраться. Вѣнскіе наши семинаристы печатали въ Вѣнѣ гражданкою свои вирши безнаказанно. М. Шашкевичъ, при моемъ посредничествѣ и при помощи моихъ сербскихъ друзей, напечаталъ въ Будниѣ „Двѣстровую Русалку“ 1837 г.; но несмотря на разрѣшеніе буднимскаго цензора и на позволеніе вѣнской цензуры, львовская цензура заарестовала 1000 экземпляровъ „Русалки“ и запретила продажу. Такая-же участь постигла стихи Антонія Могильницкаго по случаю пріѣзда архикнязя (эригерцога) Карла Людовика во Львовѣ, напечатанные гражданскимъ шрифтомъ.

Это была первая борьба за русскую азбуку, которая возобновилась съ большей силой во время голуховщины въ 1859 г. и дала поводъ къ горячей полемикѣ и официальному столкновенію въ учрежденной по этому дѣлу графомъ А. Голуховскимъ комиссіи¹⁾. Въ 1835 г. правительство стояло въ нейтральномъ отдаленіи, въ сторону; въ 1859 г. затѣями противъ кириллицы руководили: министръ графъ Левъ Тунъ (Thun, чехъ) и намѣстникъ Галиціи графъ Агеноръ Голуховскій. Первый выслалъ своего секретаря Юсіфа Пречка (чеха), второй лично участвовалъ въ засѣданіяхъ и призвалъ на помощь двухъ измѣнившихъ русскихъ (докторовъ философіи)—Евсевія Черкавскаго и Полядскаго, и двухъ президіальныхъ чиповщиковъ; коалиція состояла изъ поляковъ, нѣмцевъ, чеховъ и русскихъ черкидчиковъ. Юсіфъ Лозинскій, долготѣннымъ опытомъ убѣдившись въ интригахъ польскихъ, въ ихъ лжи и обманѣ, стоялъ за насъ и ратоборствовалъ за кириллицу.

Въ томъ-же письмѣ Вагилевичъ сдѣлалъ перечень сочиненій, относящихся къ галицко-русскому языку и исторіи Галиціи, и написалъ краткія, но иногда довольно меткія замѣчанія о достоинствѣ ихъ: Вагилевичъ чувствовалъ, что грамматикъ Юсіфъ Левицкій, рожденный и воспитанный въ странѣ болѣе ополяченной (при Нижнемъ Сяніѣ), не могъ употреблять болѣе чистаго нарѣчія. Мнѣніе о грамматикѣ Юсіфа Левицкаго, заявленное профессоромъ пра-

¹⁾ См. Die ruthenische Schrift und Sprachfrage. Lemberg. 1859.

воучительнаго богословія Венед. Левицкимъ, характеристично. О грамматикѣ Лучкая Вагилевичъ отозвался очень снисходительно, даже лестно. О сочиненіяхъ Зубрицкаго не далъ никакого сужденія.

Затѣмъ Вагилевичъ упоминаетъ о трудахъ своихъ друзей, въ то время еще ненапечатанныхъ, но извѣстныхъ ему, какъ принадлежащему къ тому-же молодому кружку. Онъ упоминаетъ о моемъ сборникѣ народныхъ пословицъ, которыя изданы послѣ въ 1841 г. въ Вѣнѣ, о переводѣ сербскихъ пѣсень, напечатанныхъ послѣ въ 1847 г. въ „Вѣникѣ“; упоминаетъ и о „Русалкѣ“, изд. Шапкевичемъ въ Буднѣ въ 1837 г. Наконецъ говоритъ и о своихъ собственныхъ трудахъ: о *Словѣ о Пожу Нюра*, которое не было напечатано изъ опасенія передъ львовской цензурой, которая такъ безцеремонно поступила съ „Русалкой“ и со II выпускомъ *Очерка исторіи Зубрицкаго* и пр.

Что-же касается до словаря народнаго галицко-русскаго языка, то онъ существовалъ такъ-сказать въ идеѣ и въ проектѣ. У Вагилевича было записано значительное количество словъ, которыя онъ или запомнилъ изъ родительскаго дома (гдѣ говорили всѣ большею частью на мѣстномъ нарѣчій, по русски), или подслушанныхъ у крестьянъ, или-же заимствованныхъ изъ народныхъ пѣсень, пословицъ и поговорокъ. Но Вагилевичъ, полагаясь на свою счастливую память, обыкновенно ставилъ въ своихъ тетрадкахъ одно выраженіе, безъ всякихъ объясненій и толкованій. Образцомъ словаря онъ считалъ Вука Стефановича; онъ имѣлъ въ планѣ прибавлять соответствующія значенія слова латинскія и нѣмецкія, описанія, народныхъ обрядовъ и повѣрій, и даже съ филологическимъ разборомъ, а между тѣмъ мысль его никогда не пришла къ исполненію. Я имѣлъ случай разсматривать, по смерти Вагилевича въ 1866 г. (*Naučný Slovn. X*, стр. 10), его бумаги и нашелъ задуманный имъ словарь въ томъ-же неоконченномъ видѣ, хотя впродолженіе 30 лѣтъ у него накопилось много словарнаго матеріалу. Что-же касается до задуманной имъ грамматики народнаго галицко-русскаго языка, то онъ издалъ въ 1845 г. на польскомъ языкѣ грамматику (*Gram. Małoruskiego języka w Galicyi. Lwów. 1845*), но вмѣсто грамматики простонароднаго языка, по образцу Вука Стефановича, при развивающейся между тѣмъ галицко-русской письменности, онъ

перемѣнилъ свой взглядъ на языкъ (русскій) и сдѣлалъ переводъ грамматики Н. Греча.

Далѣ Вагилевичъ бросаетъ въ своемъ письмѣ бѣглый взглядъ на преданія русскаго народа и его языкъ, защищая его чистоту и неиспорченность, изъ чего видна его горячая приверженность къ своему народу. Раздѣленіе галицко-русской рѣчи на два нарѣчія и два разнорѣчія не совсемъ вѣрно. Нѣкоторыя замѣчанія относительно употребленія буквъ хорошо подмѣнены. Угорско-русское нарѣчіе онъ осуждаетъ слишкомъ строго: оно не столько потерпѣло отъ мадьярскаго и румынскаго вліянія, какъ предполагалъ никогда не бывшій въ Венгріи Вагилевичъ. Приписываніе галицко-русскому языку свойства долготы и краткости гласныхъ—ошибочно и основано на воображеніи и стараніи превознести свое родное нарѣчіе и противопоставить чешскому языку, способному подражать ритму греческо-латинскихъ стиховъ¹⁾, которымъ величался жившій въ то время во Львовѣ чехъ, Иванъ Православъ Коубекъ (съ 1848 г. преподаватель чешской литературы въ пражскомъ университетѣ). Приведенныя Вагилевичемъ слова съ латинскимъ или нѣмецкимъ переводомъ показываютъ, что въ самомъ дѣлѣ въ Карпатскихъ горахъ сохранилось много старинныхъ славянскихъ выраженій, которыя на равнинахъ въ Галичинѣ давно замѣнены новыми польскими. Форма глагола *frequentativum iterativum*, *бывовати*, *бывовувати*, опять придумана Вагилевичемъ по образцу чешскаго языка. Вообще, это мѣсто письма знаменательно; оно показываетъ, какъ въ то время умы молодаго кружка заняты были приведеніемъ въ извѣстность характеристическихъ чертъ языка, обычаявъ, преданій и жизни своей родины. Въ это время Вагилевичъ владѣлъ лучше всѣхъ насъ народной рѣчью; свѣдѣнія его о народномъ бытѣ были полнѣе другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ пристрастнымъ защитникомъ *индивидуализаціи* нарѣчій, увлекаясь соблазнительными словами Копитара, который, слѣдуя, вѣроятно девизу австрійской политики: *divide et impera*, утверждалъ въ своей грамматикѣ, что у славянъ не четыре нарѣ-

¹⁾ Въ то время и сербы подражали стопосложевію классическихъ поэтовъ и величались этимъ свойствомъ своего языка. Шафарикъ хвалилъ просодическое стихосложеніе. *Gesch. der sl. Sprache*, стр. 42.

чія должны быть письменными, какъ у грековъ, а всѣ нарѣчія, и съ большимъ правомъ, такъ какъ территория славянъ значительно больше древней Греціи.

Что касается до находокъ у графа Тарновскаго въ Диковѣ, о которыхъ упоминаеть Вагилевичъ въ объясняемомъ его письмѣ, то это произошло по слѣдующему поводу. Въ 1834 году графъ Адамъ Тарновскій, имѣвшій богатую рѣдными книгами и рукописями бібліотеку, просилъ своего знакомаго помѣщика Василевскаго прислать ему кого-нибудь изъ студентовъ, знающихъ церковно-славянскій и русскій языки, для разсмотрѣнія и описанія старославянскихъ рукописей и старинно-русскихъ памятниковъ письменности. Нашъ общій другъ Марціанъ Щашкевичъ, о которомъ, какъ о сн-ротѣ священника, жившаго въ его имѣніи Княже, Василевскій имѣлъ поочеченіе, рекомендовалъ для этой цѣли мня и Вагилевича. Василевскій снабдилъ насъ письмомъ къ графу. Мы сказались больными въ университетѣ и весной 1834 г. отправились въ путь. Вагилевичъ былъ знакомъ съ южной, подкарпатской страпою родины, мнѣ-же знакома была сѣверная часть галичины; но ни я, ни мой другъ никогда не бывали въ западной половинѣ галичины, по этому въ экскурсіи нашей намъ все представлялось новымъ, интереснымъ. Мы находили различіе съ тѣмъ, что знали прежде, при видѣ мѣстности, распредѣленіи селъ и хозяйственной обстановкѣ, костюмѣ и всей наружности населенія, съ которымъ мы теперь встрѣтились. Вагилевичъ находилъ большую разницу между его горцами—Бойками и туземными крестьянами, я-же, на оборотъ, замѣчалъ только постепенные переходы или переливы галицко-русскаго народа, живущаго возлѣ Львова. Вагилевича возмущало чрезвычайно сильное ополяченье страны, когда мы слышали польскіе *южъ*, вм. *уже*, *вже*; *дзись* *дзисяй*, вм. *сегодня*, *нынѣ*; *биты* (*bóty*), вм. *чоботы*, *сапоги*, или формы: я не *хчу* (*chce*), ты не *хцешъ*, *вінъ* не *хце*, мы не *хцемы*, вы не *хчете*, вони не *хцутъ*, вм. я не *хочу* и т. д., или-же: мы будемъ *робѣтѣ*, *ходѣтѣ*, вм. почти густаго выговора *робыты*, *ходыты*; *винъ* *ходи*, *носи*, вм. *ходить*, *носить* или я *быаг*, мы *были*, вм. я *бувъ*, мы *булы*; все это онъ приписывалъ вліянію колонизма и готовъ былъ признать мѣстный говоръ просто польскимъ нарѣчіемъ. Я-же, напротивъ, признавалъ сильное вліяніе польщизны въ лексическомъ отношеніи, но въ формахъ: *хчу*,

хцешь, ходи, носи видѣть аналогію съ сербскими *ћу, ћешь*, одп, носи, а въ произношеніи *ходить, робити, бывъ, была, были* я искалъ первоначальнаго древне-славянскаго произношенія, именно различіе гласныхъ *и* и *ы*, потерявшееся въ малорусскомъ и югославянскихъ нарѣчіяхъ. Въ такихъ этнографически-лингвистическихъ упражненіяхъ проѣхали мы черезъ мѣстечка Городокъ, Судовую Вишню, Мостиска (Gródek, Sądowa Wisznia, Mościska), пользуясь всякой остановкой въ корчмѣ или въ *osterii* для распросовъ и разговоровъ съ крестьянами. Въ Перемышлѣ мы осмотрѣли развалины замка и полюбовались прекраснымъ видомъ на равнины рр. Сяна и Вѣгоря (Вяра) и на амфитеатрально возносящіяся карпатскія горы. Вспомнивъ о бывшихъ временахъ, мы въ раздумьѣ оставили оплеченную столицу Володаря. За Перемышлемъ уже мало слыталась русская рѣчь,—жители впрочемъ говорили наравнѣ по польски и по малорусски. Тутъ мы нашли народъ тихій, смиренный, во всемъ уступающій, запуганный преобладающимъ полонизмомъ. Вотъ въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, или въ корчмѣ крестьянинъ въ черной свиткѣ и жепцина въ холстяной кофточкѣ почти шопотомъ говорятъ по русски, попивая водку. Вдругъ съ шумомъ входятъ два человѣка, рослыхъ, крѣпкостроенныхъ, въ сапогахъ съ длинными голенищами, одѣтыхъ въ синіе суконные камзолы съ висячими до колѣнъ клапанами. У одного была на головѣ красная шапка съ высокими рогатымъ верхомъ и поярковой опушкой, у другога-же черная шляпа съ широкими полями. Это были два извозчика—мазура изъ Тарнова или изъ подѣ Кракова. Они начали развязно похаживать по комнатѣ, ведя оживленный разговоръ на своемъ мазурскомъ нарѣчій, обращаясь другъ къ другу не на *ты* или *вы*, какъ водится у крестьянъ, но говоря одинъ другому: *пѣнь, нѣзь пѣнь безъ ласкавъ, просенъ униженъ*; подтрунивая такъ обыкновенно надъ господами, рисовались смѣлой жестикуляціей,—наконецъ остановились возлѣ разговаривающихъ русиновъ и, подступая все ближе и ближе, почти толкали ихъ. Крестьянинъ взялъ фляжку съ водкой и отошелъ съ своей собесѣдницей къ другому концу стола. Но мазуры не отстали: они подступили къ другому концу, ведя громкій разговоръ,—русины посторонились къ другому столу, но нахалы—мазуры и туда поспѣли и прижали ихъ опять. Русскіе оставили и это мѣсто и стали въ уголокъ близъ двери, держа въ

рукѣ фляжку. Насъ поразило нахальство мазуровъ, но еще болѣе удивила уступчивость загнанныхъ русскихъ. Когда мазуры вышли къ своимъ лошадамъ въ конюшню, мы начали укорять русина, зачѣмъ онъ позволилъ такъ стѣснять пріѣзжимъ мазурамъ у себя дома; *вѣдь на своемъ смѣтлю и когутъ смѣлый*. „Паничу, вы не знаете, якій то лукавый народъ, тын мазуры; они наумысне шукали зачѣпы, а мы люди спокойны, всякому чорту устунаемъ,—на што намъ бѣды? вѣдь мазура и полу врѣжь, та втѣкай“. Вотъ какія отношенія сложились въ этой несчастной странѣ; не только шляхта, но и мазурскій мужикъ дасть чувствовать свое превосходство надъ бѣднымъ русиномъ.

Ярославль,—древній русскій городъ, мы проѣхали мелькомъ, не осмотрѣвъ его вовсе. Въ окрестностяхъ Ярославля народъ весьма красивый, говорить чистымъ польскимъ, почти книжнымъ нарѣчіемъ, *не мазуруетъ*. Мы убѣдились, что Снядецкій былъ правъ, говоря, что теперь самую чистою польскою рѣчью говоритъ народъ возлѣ Ярославля въ Галиціи. Кто хочетъ заслушаться мелодіей польскаго языка, пусть послушаетъ разговаривающихъ крестьянъ возлѣ Ярославля. Стѣдовательно не въ Гнезнѣ (этомъ гнѣздѣ Пястовъ), не въ Краковѣ или Варшавѣ—двухъ столицахъ Польши, а на русской землѣ, на рубежѣ Польши—самая чистая рѣчь, такъ-же какъ и чистѣйшій нѣмецкій языкъ не внутри древней Германіи, а на бывшей когда-то славянской землѣ—въ Саксоніи! Поэтому Вагилевичъ въ письмѣ своемъ къ М. П. Погодину порицаетъ Над-Сянское нарѣчіе за то, что оно ополячено и превозноситъ русскій языкъ, который, будто-бы, имѣлъ громадное вліяніе на письменный польскій языкъ.

Мы миновали границу русскаго и польскаго народонаселенія, и, проѣзжая песчаную низменность, лѣсную равнину между Сяномъ и Вислой, нашли народъ, говорящій на польскомъ нарѣчій съ слабымъ оттѣнкомъ мазурскаго, хотя народъ тихій, добродушный, совсѣмъ похожій на русскихъ полѣскоковъ, живущихъ въ сосновыхъ борахъ жолковского и золочевского округовъ, отъ Бродовъ до р. Сяна. За Преворскомъ (Przeworsk) мы направились вдоль рѣки Сяна на сѣверъ, черезъ Соколовъ, Грибовъ, находя вездѣ тотъ-же народъ и мы были почти увѣрены, что это ополяченные русины. Цѣль нашей поѣздки—мѣстечко Диковъ расположено на равнинѣ надъ

Вислой, въ виду города Судоміря (Сандомбржа), лежащаго на противуположномъ высокомъ берегу; видны его старинныя зданія, костелы и башни. Глядя на него, мы вспоминали историческія событія, происходившія на этой границѣ галицкой Руси и Польши, вспоминали, что въ 1205 году князь Романъ Мстиславовичъ, недалеко отсюда подъ Завихвостомъ, въ войнѣ съ ляхами, былъ нечаянно убитъ напавшимъ на него отрядомъ поляковъ. Длинные и высокія, какъ валы, тянущіяся по берегамъ Вислы дамбы обратили на себя наше вниманіе. Не менѣ замѣчательнъ палацъ или замокъ гр. Тарновскаго, построенный на живописномъ мѣстѣ, съ карнизами, въ готическомъ вкусѣ, съ прилежащимъ паркомъ и видомъ на привислянскую окрестность. Гр. Тарновскій принялъ насъ весьма радушно, показалъ намъ свои картины, замѣчательныя искусствомъ, портреты своихъ предковъ Тарновскихъ и другихъ знаменитыхъ поляковъ, славянскія глиняныя урны и другія древнія вещи доисторическихъ временъ, вырытыя въ решовскомъ уѣздѣ, рѣдкія старопечатныя книги и рукописи, относящіяся къ исторіи Польши. Всѣ эти предметы хранились въ богатой замѣчательными изданіями бібліотекѣ. Въ особенности-же графъ поручилъ намъ разсмотрѣть славянскія рукописи, писанныя кириллицей, русскія грамоты и другіе скорописные памятники. Съ жаромъ молодыхъ энтузіастовъ мы принялись за разборъ этихъ памятниковъ, видѣнныхъ нами первый разъ въ такомъ количествѣ и подборѣ. Мы работали, не уставая, съ утра до поздней ночи, описывали рукописи, излагали содержаніе, объясняли, переводили на польскій языкъ и ежедневно по утрамъ представляли графу результаты нашихъ разысканій, который на радости изъявлялъ свое удивленіе нашимъ неусыпнымъ трудамъ, похваляя нашу ревность и любовь къ разслѣдованіямъ старины и наши познанія. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій Вагилевичъ писалъ М. П. Погодину объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ (вмѣстѣ со мною) въ бібліотекѣ ученаго гр. Тарновскаго въ Диковѣ. Вагилевичъ пишетъ о Кормчей книгѣ, которую онъ, смотря по почерку (но письму, какъ онъ выразилъ) и по языку, относилъ къ XII или началу XIII вѣка. Я спорилъ тогда съ нимъ, относя рукопись къ XIV столѣтію, тѣмъ болѣе, что она писана на бумагу. Вагилевичъ былъ до нѣкоторой степени фантазеромъ; онъ заупрямился и для поддержки своего мнѣнія утверждалъ,

ссылаясь на Мацѣевскаго, который будто-бы говорилъ, что еще въ XIII столѣтїи въ Галичѣ была изобрѣтена выдѣлка тряпичной бумаги и этимъ искусствомъ будто-бы занимались два брата изъ галицкихъ мѣщанъ. Конечно, мы, сверстники Далибора ¹⁾ (Вагилевича), относились скептически къ этому заявленію. Но онъ все настаивалъ на своемъ и въ доказательство вѣрности, а по крайней мѣрѣ вѣроятности этого событія, указывалъ на то, что на его родинѣ народъ называетъ бумагу, целулку, записку—*термыткой* ²⁾ и что, будто-бы, это названіе народъ наследовалъ отъ своихъ галицкихъ изобрѣтателей бумаги. Онъ гордился тѣмъ, что ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ нѣтъ названія бумаги на своемъ говорѣ, а всё заимствовали названіе отъ греческаго или латинскаго языка. Въ своемъ письмѣ къ историку Погодину Вагилевичъ не упоминаетъ о мнимомъ изобрѣтеніи, а говоря о *термыткѣ*, прибавляетъ, что „слово это можетъ быть взято съ греческаго языка, или происходить отъ *термытка*=бумага; я полагаю, что тогда (въ XII и XIII стол.) на Руси были *термытные* (писче-бумажные) заводы“. Дальше Вагилевичъ упоминаетъ о другой рукописной книгѣ, содержащей *отрывки изъ Кормчей книги XV вѣка*; по языку она похожа, но замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятся: *уставъ Владимира* о церковныхъ судахъ и *уставъ Ярослава* и др.

Послѣ этого Вагилевичъ сообщаетъ о находящихся у гр. Тарновскаго грамотахъ, договорахъ и международной корреспонденціи польскихъ королей съ крымскимъ ханомъ, турецкимъ султаномъ и великими князьями московскими. Должно быть, Вагилевичъ неясно написалъ или переводчикъ невѣрно перевелъ, называя ихъ *переводными* или *переписными*. Это собственно четыре нергаменныхъ грамоты съ конца XIV и начала XV стол., а именно: 1) жалованная грамота великаго князя Витовта 1392 г., 2) грамота галицкаго старосты Бенка 1398 г., 3) передаточная грамота на имѣніе Тростянецъ 1409 г. и 4) мѣновная грамота Ивана Тучвняка 1418 г. ³⁾

¹⁾ Павелъ Вагилевичъ принялъ славянское имя Далиборъ, которымъ и подписывался на своихъ ученыхъ трудахъ.

²⁾ Этого слова нѣтъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ Эм. Партшцаго. Львовъ 1870 г.

³⁾ Всѣ эти грамоты я переписалъ съ графическою точностью, сообщая ихъ Д. Зубрилкуму, откуда онѣ напечатаны въ Актахъ западной Россіи, а послѣ напе-

Кромѣ того мы нашли нѣсколько документовъ съ XVI в. на русскомъ языкѣ, договоры польскихъ королей съ великими князьями московскими и крымскимъ ханомъ. Въ особенности заинтересовала насъ переписка съ крымскимъ ханомъ Давлетъ Гиреємъ на русскомъ языкѣ, писанная современною русскою скорописью. У графа Тарновскаго одна статья была въ трехъ экземплярахъ, и я осмѣлился просить графа, чтобы онъ подарилъ мнѣ экземпляръ. Графъ похвалилъ мою любовь (zamiłowanie) къ памятникамъ старины и общалъ объ этомъ подумать. Вѣроятно, онъ провѣрилъ съ кѣмъ-нибудь, вѣрно-ли было мое заявленіе о тождественности ихъ текста. На другой день онъ вырвалъ листки изъ тетради, составлявшей отрывки какого-то сборника, вѣроятно, тетради Метрики великаго князя литовскаго и передалъ мнѣ экземпляръ. Нашей радости не было границъ. Мы открыли памятники дипломатическаго и дѣловаго языка изъ столь отдаленныхъ временъ, и на основаніи этихъ открытій рѣшили, что эти документы ничто иное, какъ продолженіе той политически-бытовой жизни русскаго (галицкаго) народа, которая жила и процвѣтала во время самостоятельности галицкаго княжества со временъ Володаря, Василька, Ярослава, Романа, Даниїла и Льва. Мы представляли себѣ въ своемъ воображеніи могущественное государство на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающееся отъ источниковъ Нѣмана до устья Дуная и Чернаго моря. Въ письмѣ своемъ Вагилевичъ намекнулъ только о важности этихъ памятниковъ для исторіи языка, какъ „вѣрнаго изображенія языка самаго древняго времени“. Мы нашли, что кромѣ памятниковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) мертваго церковно-славянскаго языка, мы попали на памятники древняго живущаго, настоящаго народнаго русскаго языка; что этотъ „языкъ—простъ и красивъ и сходенъ съ древнимъ; языкъ-же XVI и XVII ст. передѣланъ по образцу латинскаго (?), потому онъ очень *ополонизировался* и испортился“.

Сообразно съ мнѣніемъ ученыхъ того времени, сужденіе наше было правильно, хотя мы не были въ состояніи дать научнаго удовлетворительнаго отчета и не умѣли сдѣлать правильнаго лексико-грамматическаго разбора найденныхъ памятниковъ.

чатами ялю въ Науковомъ Сборникѣ 1865 и 1866 г. п особыми оттисками во Львовѣ.

Наконецъ Вагилевичъ нашелъ возможнымъ сообщить о своихъ находкахъ, которыя его въ то время (1835 г.) преимущественно занимали. Онъ назвалъ ихъ громкимъ именемъ *вагтельныхъ* памятниковъ, и писалъ, что „*хотя они и необъяснены* еще, но весьма важны для *всѣхъ славянъ*“; далѣе онъ увѣрваетъ, что: „истинно они начертаны *перстомъ Божиимъ* (?) въ горахъ карпатскихъ для *первыхъ славянъ*“ (?). Мнѣ помнится, что тогда шелъ въ славянствѣ живой споръ о подлинности пральвицкихъ надписей. Нѣмецкіе скептики отказали славянамъ (какъ низшей культурной націи) въ знаніи письменъ, приписывая сѣверныя руны только германскому племени. Находя у Ибнъ-Фоцлана, у мниха Храбра и въ Судѣ Любуши намеки на существованіе у древнихъ славянъ употребленія письма, разыгравшееся воображеніе молодого 20-ти лѣтняго человѣка нашло возможность открыть настоящія славянскія руническія надписи. Открытіе славянскихъ руническихъ надписей было постояннымъ желаніемъ Вагилевича, которое всегда волновало его душу и наводило на фантастическія мечты. Онъ давно мечталъ объ открытіи памятниковъ древняго языческаго культа, т. е. языческихъ идоловъ, капищъ или жертвенниковъ и находящихся на нихъ надписяхъ. Чтеніе путешествій по востоку и Индіи, усидчивыя студіи и разсужденія о руническихъ и клинообразныхъ надписяхъ подстрекали его пылкое воображеніе. Но мы не довольствовались въ нашемъ студенческомъ кружкѣ теоретическими разсужденіями, а требовали, чтобы аргументація была подтверждена фактами, и Вагилевичъ, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ друзей, въ одно прекрасное утро собрался въ путь для разслѣдованія своихъ излюбленныхъ *вагтельныхъ* памятниковъ.

Черезъ недѣлю или двѣ Вагилевичъ вернулся во Львовъ, полный радости отъ того, что открылъ доисторическіе памятники въ скалахъ вытесанныхъ храмовъ, а на ихъ стѣнахъ древнія руническія надписи. Онъ показывалъ всѣмъ копіи многихъ найденныхъ имъ надписей, къ прочтенію которыхъ онъ однакожь не могъ найти ключа, такъ какъ его знаки не подходили ни къ какимъ до сихъ поръ извѣстнымъ письменамъ. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ о своихъ открытіяхъ. Одни повѣрили; другіе не довѣряли. Эти разсказы заинтересовали всѣхъ литераторовъ во Львовѣ. Вагилевичъ писалъ о своихъ находкахъ къ Шафаріку, который также много

ожидалъ отъ этихъ открытій. Подъ такими впечатлѣнїями писалъ Вагилевичъ свое письмо къ М. П. Погодину, который принялъ извѣстїя за чистую монету. Объ этихъ находкахъ съ его-же (Вагилевича) словъ писалъ изъ Львова Карль-Владиславъ Запъ къ Шафаріку, а Иванъ Православъ Коубекъ къ Вяч. Ганкѣ, которые сообщили эти извѣстїя Погодину. Михаилъ Петровичъ напечаталъ письмо (самого Вагилевича) изъ *Лемберга* въ „Моск. Наблюдатель“ за 1836 г. (№ VII, стр. 289) въ переводѣ, сообщилъ копїи надписей, найденныхъ Вагилевичемъ въ Трухановѣ, Розгорчю и Верхнемъ Синеводскѣ, находя въ нихъ „*примычательное сходство съ письменами синайскими древетихъ русовъ, сообщенными знаменитымъ ориенталистомъ Френкомъ изъ арабскаго писателя X вѣка*“.

Въ древней русской исторїи до-монгольскаго ига (Моск. 1871 г. Т. III. Отдѣль I) Михаилъ Петровичъ отпечаталъ совсѣмъ вѣрное факсимиле *надписей, высѣченныхъ на скалахъ въ Карпатахъ* съ письма Вагилевича, съ краткимъ объясненїемъ (стр. 6), въ которомъ изъявилъ желанїе сравнить ихъ съ надписями, высѣченными на разныхъ горахъ въ Сибири, такъ называемыми чудскими. Стало быть, Михаилъ Петровичъ нашелъ ихъ неподлежащими сомнѣнїю.

Толки, споры, передраги длились у насъ продолжительное время. Вагилевичъ съ жаромъ отстаивалъ существованїе надписей, мы, скептики, старались доказать основательность нашихъ сомнѣнїй. Всѣ споры и толки оказались голословными передрагами и не привели ни къ чему. Близкій кружокъ Вагилевича отнесся скептически къ его находкамъ, особенно Маркіанъ Шашкевичъ, прямо назвавъ все это Вагилевичевой фантазмагорїей.

Эти споры, кружась по Львову, сильно заинтересовали польскихъ литераторовъ, и Августъ Бѣлевскій рѣшилъ отправиться на мѣсто находокъ, чтобъ удостовѣриться въ подлинности существованїя карпатскихъ надписей. Онъ нанялъ тройку лошадей у львовскаго мѣщанина русина Яенскаго, имѣвшаго свой домъ возлѣ св. Іоанна на Сѣвьянцѣ¹⁾, и взялъ съ собою эмигранта Килѣсинскаго, рисовальщика, чтобы срисовать описанныя Вагилевичемъ

1) Въ то время было еще много мѣщанъ, владѣльцевъ недвижимостей, занимавшихся разными промыслами и причптавшихъ себя къ русской народности, чьихъ потомки теперь опоялчались, а ихъ дома и земли перешли въ жидовскія руки. — М. Г.

капища и скопировать славянскія руны. Встрѣтивъ меня, Бѣлевскій уговаривалъ присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ поѣхать въ Карпаты, на что я охотно согласился, давно желая собственными глазами посмотрѣть на эту рѣдкость. Бѣлевскій, съ своей стороны, рассчитывалъ, что ему понадобится въ руководители русинъ. Несмотря на то, что Бѣлевскій переводилъ *Слово о полку Игоря* и народныя малорусскія пѣсни, онъ плохо зналъ по русски и, хотя былъ рожденъ въ восточной Галичинѣ, но, живя постоянно въ городѣ и вращаясь въ польскомъ обществѣ, съ трудомъ могъ изъясняться на русскомъ нарѣчій. Спутникъ его, эмигрантъ изъ Царства Польскаго, Янъ Килѣсинскій, какъ мазуръ, вовсе не зналъ по русски. Такимъ образомъ я могъ быть имъ во многомъ переводчикомъ и толкователемъ, тѣмъ болѣе, что Бѣлевскій зналъ о моихъ экскурсіяхъ по Галичинѣ, изъ которыхъ я всегда приносилъ нѣсколько тетрадокъ народныхъ пѣсень, повѣрій и другихъ свѣдѣній о народномъ бытѣ. Бѣлевскій откровенно сказалъ, что я, русинъ, буду ему руководителемъ и посредникомъ въ расправахъ съ народомъ. При томъ-же, говорилъ онъ, если случится побывать у священника, то съ русскимъ какъ-то ловчѣе. Собрались и условились ѣхать въ назначенный день. Но такъ какъ у насъ ни у одного не было вида или паспорта, а на львовской заставѣ полицейскій фельдфебель (въ качествѣ пристава) могъ-бы придраться, то мы, по одиночкѣ гуляя, вышли за Стрыйскую заставу и возлѣ кладбища поджидали нашу бричку. Только тамъ усѣвшись вмѣстѣ, мы весело помчались по шоссе на югъ. Бѣлевскій принималъ всякія предосторожности, не останавливался ни въ мѣстечкахъ, ни въ селахъ, ни въ уѣздномъ городѣ Стрыѣ, а только на отдыхъ въ корчмахъ, стоявшихъ особнякомъ въ полѣ. На ночь мы тоже не заѣхали въ корчму, а свернули съ шоссе въ лѣвую сторону и заѣхали уже ночью къ молодому помѣщику въ Довге (Долгое). Этотъ послѣдній, знакомый Бѣлевскому еще съ возстанія 1831 года, принялъ насъ съ большимъ радушіемъ. Воспоминанія о войнѣ 1831 г. оживляли разговоры. До поздней ночи продолжались рассказы о 4-мъ полку улановъ, о 5-мъ пѣхотномъ полку легіи надвислянскою, о разныхъ корпусныхъ пачальникахъ, стычкахъ, сраженіяхъ съ москалями подъ Остроленкой, подъ Дембомъ, подъ Волей и пр. Всѣ три на перерывъ брали не хуже заказныхъ охотниковъ.

Помѣщикъ, обративъ вниманіе на то, что я молчу, намекнулъ, что я навѣрно также былъ за Вислой, а Килѣсинскій, не много думая, на угадъ сказалъ, что я служилъ въ корпусѣ Дверницкаго на Волыни, давая мнѣ этимъ столь-же обильную тему для вранья. Но я въ одинъ голосъ съ нимъ возразилъ рѣшительнымъ отказомъ, что я не участвовалъ въ революціи. „Навъ запевне русинъ“, заикнулся ляхъ. „Да“, сказалъ я. Но Бѣлевскій тутъ-же замѣтилъ: „але добры чловѣкъ. Не стѣсняйтесь, говорите смѣло“. И пошла дальше болтовня, которая кончилась рассказомъ, какъ всѣ три богатыря съ 20-ти тысячнымъ корпусомъ Ромарино перешли черезъ Вислу и сложили оружіе передъ австрійцами.

На другой день нашъ путь продолжался. Мы проѣхали черезъ г. Болаховъ, не останавливаясь въ немъ. За городомъ мы повернули въ сторону и поѣхали вверхъ рѣки Сукаль каменистой проселочной дорогой въ с. Тисовъ, а оттуда дальше и остановились только въ горной корчмѣ. Не медля, взяли мы проводниковъ изъ крестьянъ и пошли горами, поросшими лѣсомъ, на Бубнице между Трухаловомъ и Бубницею, гдѣ находятся въ скалахъ вытесанныя пещеры въ родѣ комнатъ. Громадность раскинутыхъ скалъ—великановъ среди еловыхъ лѣсовъ произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Очнувшись отъ изумленія, мы осмотрѣли всѣ комнаты, или собственно говоря пещеры, съ виѣшной и внутренней стороны и, держа въ рукахъ коши мнимыхъ надписей, искали Вагилевичевыхъ рунъ, но не нашли ничего. На стѣнѣ одной изъ комнатъ были насѣчки, похожіе на одну изъ надписей, сообщенныхъ Вагилевичемъ, но послѣ тщательнаго осмотра мы положительо убѣдились, что это естественная насѣчка отъ неоконченной работы. Вверху мы нашли пробоины отъ дождей, которыя Вагилевичъ припять за надписи, изображенныя въ „Наблюдатель“ съ замѣткой „на верху“. Килѣсинскій срисовалъ видъ Бубнискихъ скалъ, а Бѣлевскій написалъ послѣ статейку, которая была напечатана въ „Звоніи“, альманахѣ, изд. въ 1835 г. въ Лейцигѣ; тутъ-же представленъ рисунокъ этихъ скалъ. Но Львовская цензура, захвативъ на границѣ изданіе, объявила на него запрещеніе и весь заводъ альманаха былъ конфискованъ, изрубленъ и сожженъ, такъ какъ цензура нашла тамъ запрещенныя статьи другихъ авторовъ. Статья Бѣлевскаго не была нигдѣ вторично отпеча-

тана, но заявленіе Бѣлевскаго, который у Вагилевича пользовался большимъ авторитетомъ, сильно повліяло на этого послѣдняго и онъ наконецъ призналъ, что *въ Трухановѣ*, можетъ быть, и нѣтъ надписей, но тѣмъ сильнѣе отстаивалъ существованіе надписей на скалахъ въ Розгорчю, о которомъ онъ написалъ статью въ часописи Чешскаго Музея (написалъ онъ по польски, а К. В. Запъ перевелъ на чешскій языкъ). Нечего было дѣлать, надо было провѣрить, есть-ли надписи на стѣнахъ розгорецкихъ скалъ или нѣтъ, и если есть, то какія именно надписи? Въ 1836 году, въ одинъ прекрасный осенній день я собрался въ путь, взявъ съ собой моего брата Ивана. Мы отправились въ Стрый, а дальше пошли пѣшкомъ по шоссе въ с. Разгорчье, лежащее на р. Стрию у самого предгорья карпатскихъ горъ. Мы перевезлись на лодкѣ черезъ Стрый и пошли селомъ, спрашивая, гдѣ розгорецкіе *уцобы* (скалы). Намъ показали за помѣщичьимъ огородомъ большія скалы съ открытыми дверями или входами въ комнаты, высѣченныя въ скалахъ, и другія, которыя выступали изъ горъ. Крестьяне указывали на какія-то царапины, но мы не могли ихъ признать за надписи отдаленной древности, а скорѣе должны были признать въ нихъ размытыя дождемъ и сыростью слѣды именъ посѣтителей. Въ одной даже мы ясно замѣтили польскую фамилію *Krymowicz*.—Съ тѣхъ поръ никто не упоминалъ о надписяхъ и въ Галиціи всѣ были убѣждены, что ихъ нѣтъ.

Въ статьѣ моей объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, напечатанной въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г., я положительно высказался на счетъ этихъ мнимыхъ древнихъ надписей¹⁾, но, не смотря на это, покойный М. П. Погодинъ въ своей древней русской исторіи до монгольскаго ига, изд. въ 1871 году, отпечаталъ карпатскія руническія надписи, сообщенныя ему Вагилевичемъ, находя ихъ похожими на какія-то сибирскія надписи.

Въ концѣ письма Вагилевичъ жалуется на трудности, которыя были нами встрѣчаемы при выпискѣ русскихъ книгъ. Писъмцы

¹⁾ Желательно было бы со всею тщательностію осмотрѣть большую пещеру розгорецкихъ скалъ. Мнѣ помнится, что я на лѣвой стѣнѣ замѣтилъ что-то похожее на еврейскую надпись. Любопытво, что оно таково?...

и поляки не желали, чтобы галицкіе руссы знакомилсь съ русскою литературой, поэтому въ Галиціи русской книги нельзя было ни зазоромъ увидать. Я случайно нашель у еврея русскую грамматику Гейма, переведенную на польскій языкъ Гродзицкимъ, изд. въ Варшавѣ, и нѣсколько одъ Державина съ польскимъ переводомъ, изд. въ Вильнѣ. Стихи я заучивалъ наизусть и хранилъ, какъ драгоценный кладъ. Ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ выписывать русскихъ книгъ, извиняясь тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ни какихъ сношеній съ русскими книгопродавцами.

Съ трудомъ я уговорилъ Ивана Милликовскаго выписать исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Энеиду Котляревскаго. Только черезъ 10 мѣсяцевъ были присланы книги. Я былъ въ восторгѣ. Но не долго продолжалась моя радость: Милликовскій потребовалъ за эти 4 книги 29 гульд. серебромъ! Деньги (сбереженные денежки) были уплачены, но книги отданы въ цензурный комитетъ. Мы ходили, узнавали, просили, ходатайствовали, пока наконецъ чрезъ полтора года намъ не доставили книгъ въ руки. Другой разъ я хотѣлъ выписать русскую исторію Полеваго (о которой въ то время много говорили въ печати), пѣсни малороссійскія Максимовича, Запорожскую Старину и др. книги, но Милликовскій отказалъ на отрѣзъ (вѣроятно, по внушенію поляковъ). Нужно было отказаться отъ Полеваго, а Максимовича одинъ экземпляръ мы нашли, какъ я сказалъ въ началѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ, и съ этого-то единственнаго экземпляра я списалъ всю его книгу.

Вотъ все, что я пашель нужнымъ объяснить по поводу письма Вагилевича, напечатаннаго въ „Моск. Наблюдателѣ“.

Я. Г.